

**Книги
АНАСТАСИИ ГОР**

2:36 по Аляске

Трилогия «Ковен озера Шамплейн»

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

Самайнтаун

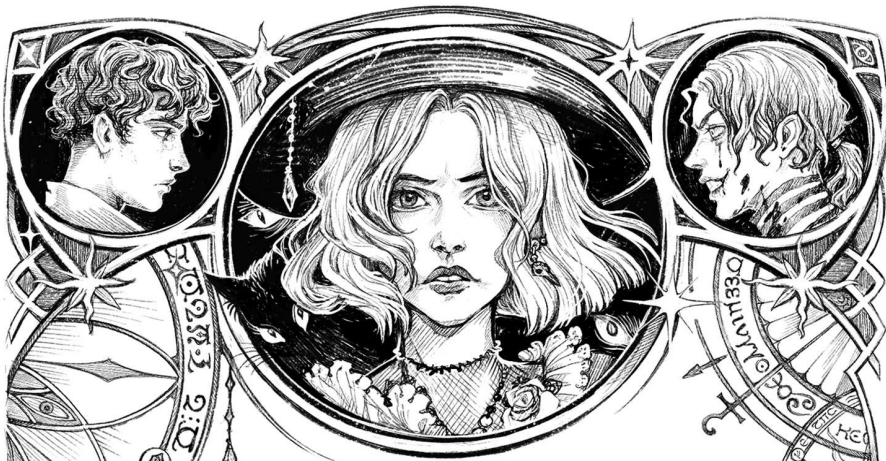
Дилогия «Рубиновый лес»

Рубиновый лес
Кристалльный пик

Цикл «Сказания о мононоке»

Сказания о мононоке
Сказания о ёкаях

КОВЕН озера Шамплейн

АНАСТАСИЯ
ГОР

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете — *Caramel Witch*

Макет и форзац — *Scieith-A*

Гор, Анастасия.

Г67 Ковен озера Шамплейн / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-04-241613-2

Ковен — это община. Ковен — это семья. Одри Дефо было суждено встать во главе одной из таких семей, но ковен был уничтожен ее одержимым братом. Теперь Одри в бегах и использует магию только для безбедного выживания.

Но однажды на ее пути появляется Коул Гастингс — молодой детектив, страдающий аутизмом. Он видит то, что никому из смертных видеть не под силу. И чувствует связь между ритуальными убийствами в городе Бёрлингтоне и историей Одри.

Коул клянется спасти девушку в обмен на помощь в расследовании. В конце концов, ковен — это семья, а что еще создает новую семью, если не обещание?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-241613-2

© Гор А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

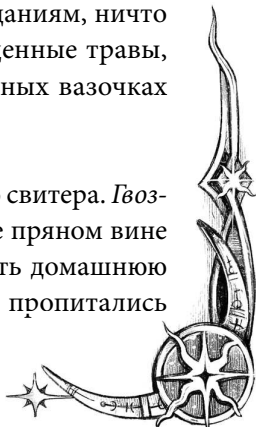

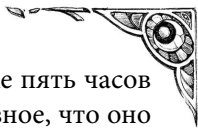
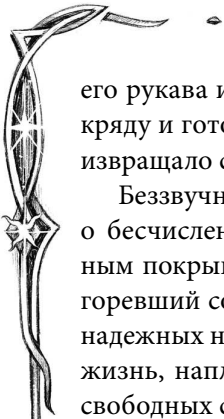
ПРОЛОГ

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с щепоткой кенийского перца — наполненные до краев пиалы, на сутки сместившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высушенный и перемолотый, — щедрая почесть огню, шепчущему в камине. *Полынь.* Ароматное тление свежесрезанных стеблей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей. Духовная чистота пространства — синоним физической безопасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне Имболка.

— Чем ты меня напоил?

Перечная мята, въевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоздика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались

его рукава и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным покрывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надежных на свете объятиях. Мы могли бы лежать так всю жизнь, наплевав, что в таком огромном особняке полно свободных спален. Мы бы могли...

Маттиола, которую он тайком подмешал мне в напиток.

— Чай, — снова прохрипела я, разлепив отяжелевшие веки и увидев лицо брата, примостившегося на краю подушки. — Это был не шалфей. Ты дал мне другую кружку. Там был левкой, да? Я не сразу узнала вкус.

— Да, цветочный мед превосходно притупляет горечь левкой, — нежно улыбнулся он, любуясь тем, что сотворил со мной. — Радуйся, что это не тетушкин ксанакс.

Я застонала, когда меня скрутил приступ головной боли. Она прошла виски, и я перевалилась на спину, подавляя рвотный позыв. Брат насильно вернул меня на прежнее место, сцепив руки замком под ноющими ребрами. Все, что я могла сделать, — это сжимать пальцы, силясь стряхнуть онемение с тела, как птица стряхивает с перьев воду.

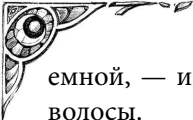
— Зачем? — спросила я, мечтая отстраниться от влажного дыхания брата, когда он придвинулся слишком близко. Нам двоим на одной подушке сделалось тесно. — Не помню, чтобы я страдала бессонницей.

— Иначе ты бы мешалась.

— Мешалась?

— Да. И злилась, а я очень не люблю, когда ты злишься.

Нежный поцелуй в лоб ничуть не утешил. Брат провел рукой по моей расплетенной косе, длинной, неподъ-

емной, — из года в год он отговаривал меня состригать волосы.

— Как же Имболк? — Я встрепенулась, и тяжелая медовая дремота наконец-то начала отступать, возвращая голосу силу, а мышцам подвижность. — Только не говори, что пытался досадить ковену, заставив меня проспаться шабаш! Который час? Празднество уже началось?

— Нет, не началось. — Брат бесцеремонно оттянул назад мою голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. — И никогда не начнется. Маленькой Верховной не к чему тревожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке — теперь оно вопило.

— Что ты сделал?

— Где не будет никаких правил... — продолжал брат, не слушая.

— Джулиан... Что ты сделал?!

— Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа — болезненно горячая. Я иступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... И с нарастающим гневом. Мой брат — сумасбродный, импульсивный, обожающий больше всего те заклятия, где требовалось приносить в жертву органы домашних животных, — мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный настой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен по-настоящему навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым пропитался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

— Ковен нас недостоин.

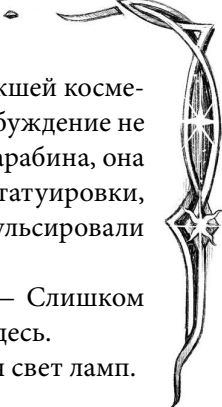

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задергавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

— Что-то не так? — спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. — Ах да. Ты слышишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме сорок семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла — да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это. «Ковен умер — да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица включенные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

— Надо уходить, — прошептала я и вгляделась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

— Да, я знаю, — тихо ответила Рэйчел. — Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп. В дверь постучали.

I

НОВЫЙ ОРЛЕАН

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

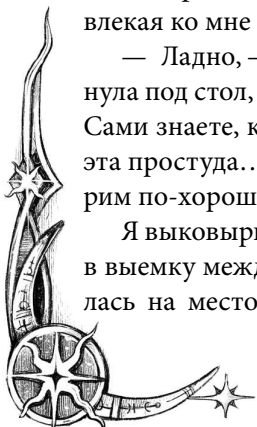
«Новый Орлеан».

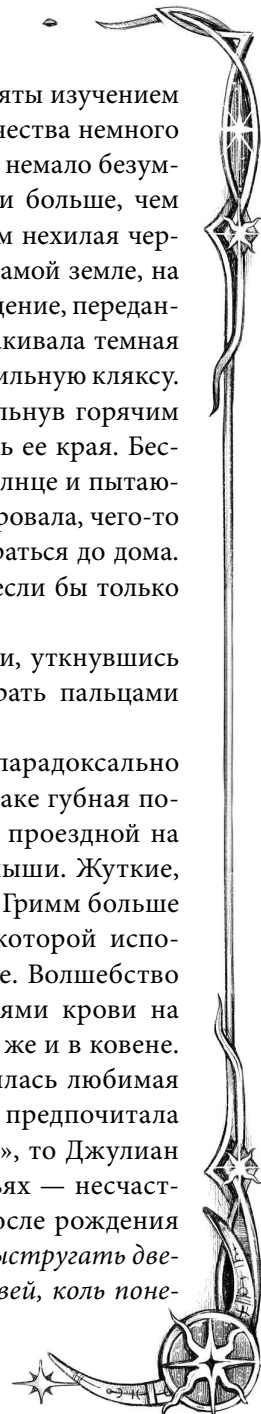
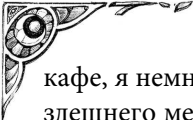
— Свиной чертополох! — выругалась я и, потупившись от осуждающего прищур многолетней мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

— Ладно, — истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. — Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда нервничаю, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей

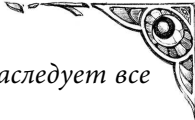
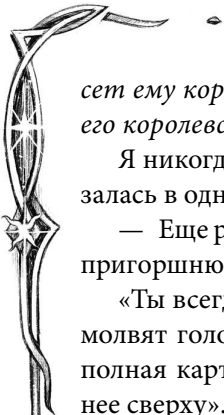

кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра деревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расплзлась вширь так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, — туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря людям надежду успеть добраться до дома. И я разделила бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинкой из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Grimm больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах — волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Grimm. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях — несчастных принцах, приговоренных к смерти после рождения их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, коль поне-*

сет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

— Еще раз, — вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. — Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велят быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

«Новый Орлеан».

— Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба — умереть, смотря на французский квартал?! — воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку дивана. — Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

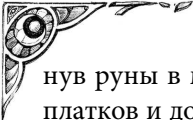
Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

— Новый Орлеан, — со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы — моя коронная фишка.

— Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, — прошептала я и, стрях-

нув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. — Теперь моя судьба — исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

— Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что женщина и шестеро ее чад пересели от меня в другой конец зала, я поняла, что мой диалог с неодушевленными предметами мог быть воспринят неоднозначно.

— Я не сумасшедшая, — тут же попыталась оправдаться я. — Просто трудный день выдался.

Официант нахмурился и развел руками, кивая в сторону окна.

— Дело не в этом. Мы закрываем кассу. Через пятнадцать минут мы должны бы закрыть кафе, но из-за шторма мы открыты до тех пор, пока на улице не станет безопасно. Посетители могут переждать здесь, только счет нужно оплатить сейчас.

Я замешкалась и демонстративно похлопала по карманам, подавляя панику, которую уже давно разучилась испытывать. В этот раз ситуацию усугубляло вовсе не мое безденежье, а стоящий снаружи гул от раскатов грома. Ветви деревьев безжалостно хлестали по крыше.

— На улице прямо шекспировская «Буря», — нервно хихикнула я, пытаясь разрядить обстановку. — «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись». Похоже ведь, правда?

— Да, — сухо кивнул официант и, сложив руки на груди, нетерпеливо кашлянул. — Знаете, моя коллега Маргарет заметила, что вы сидите в нашем кафе уже восемь часов. У вас точно есть деньги?

— Есть. Просто... Я подхватила какую-то заразу. Сопли затопили мозг, и я плохо соображаю, — сказала я полу-

правду. — У меня есть деньги. Уж на такое-то! Я съела всего ничего...

— Три порции жареного картофеля, отбивные, салат с каперсами, салат с уткой, томатный суп и ромовый брауни с вафлями. Ах да, еще молочный коктейль из шоколадного печенья, — отчеканил мужчина, и его рот скривился в дежурной улыбке. — Отличный выбор, кстати. Так наличные или кредитка? Что выбираете? Может, полицию?

— Кредитку! — выпалила я, лишь услышав последнее слово, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

— Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом».

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многодетной семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бурю за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

— Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь — элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, — точь-в-

точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной поверхности стола и шепнула:

— *Fehu*¹.

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора — приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

— Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Сначала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет, я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

¹ Руна Феху принадлежит к стихии Огня и олицетворяет духовное уничтожающее пламя, поэтому используется ведьмами для разжигания огня (преобразование внутреннего огня в физическое).